

По нашим наблюдениям, сам св. Сисиний в заговорных текстах редко наказывает трясовиц. Он является как бы посредником: узнав, какие персонажи встретились ему, и раскрыв их имена, св. Сисиний обращается к Господу, к другим святым с просьбой избавить род человеческий от лихорадок и покарать их: рус. «...*Помолися Богу святой отец Сисиний: «Господи, избави род христианских людей от трясовиц».* – *И посла Господь к нему два ангела и четыре евангелиста...*». Именно ангелы и евангелисты в дальнейшем призваны покарать трясовиц.

Некоторые заговоры от лихорадки содержат целые списки святых, призванных наказывать трясовиц: «...*Господь услыша его, молитву святого апостола, посла апостолу святой крест и жезл, ему на прогнание грозного воеводу Михаила, архангела Гавриила, Рафаила архангела, ангела Авоила, и Разоила, херувима и серафима, пророков Илию и царя Давида и Соломона, и четырёх евангелистов: Луку, Марка, Матфея и Иоанна Богослова, и святых чудотворцев и целителей Кузьму и Дамиана, Кира, Иоанна, Пантелеймона и Ермолая, Самсона и Деомида, Фокия и Анетиты, Фалалея и Трифона и св. мучеников Феогнию, Руфа, Антипатра, Магна, Феодота, Фавмасия, Фелимона, Феостика, Артёма, Факия, Феогова, Мага, Фому, Мемнона, Фокия, Марона, Власия, Ермолая, Кирик, Иули-та и Фокиния, Прасковия Пятница, Николай святой, отцы: Антоний и Феодосий, Исосима и Саватий, Василия нового и Сахария и Сахаила, Дионисия нароля, Пимена и Сосинии, Сисона и Пафнутия и Крестиа? Апласисия? Артемия веркольского, Николая чудотворца, Ивана велика, Иосифа прекрасного и Александра Македонского, апостола Петра и Павла; и учнуть вас разными муками мучити...*».

Таким образом, имена святых в заговорах от лихорадок входят в обережное кольцо, с одной стороны, и являются действующими лицами сюжета, с другой стороны.

Список использованной литературы

1 Ветухов, А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли). Вып. 1-2. / А. Ветухов. – Варшава, 1907. – 522 с.

2 Карский, Е. Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. – Ч. 1: Народная поэзия. / Е. Ф. Карский. – Москва, 1916. – С. 57–89.

3 Познанский, Н. Ф. Сисиниева легенда-оберег и сродные ей амулеты и заговоры / Н. Ф. Познанский // Живая старина. – Вып. 1. – СПб., 1912. – С. 95–116.

4 Ляцкий, Е. К вопросу о заговорах от трясовиц / Е. К. Ляцкий // Этнографическое обозрение. – Кн. XIX. – М., 1893. – С. 121–136.

5 Топоров, В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 80–103.

The article examines the functioning of the names of saints in a special type of healing spells – in spells for fever, and notes the special function of the name Sisinius.

УДК 811.161.1'42'23:821.161.1-32

Н. И. ЛАПИЦКАЯ, С. В. ДЕРЯБИНА

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РАССКАЗАХ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

В статье делаются попытки описать особенности языковой личности персонажей в произведениях Михаила Зощенко: лексические предпочтения, грамматические конструкции и особенности

диалектов или социальных групп, к которым они принадлежат, проанализировать, каким образом автор через язык создает и описывает характеры своих героев и как эти характеристики отражают их личностные особенности и взаимоотношения с окружающим миром.

Для исследования, посвященного языковой личности, выбраны рассказы Михаила Зощенко. Это неслучайно, так как Зощенко создал свой – «зощенковский» – рассказ, где своеобразно, по-новому соединились и преобразовались общеизвестные элементы данного жанра [1, с. 34]. В рассказах Михаила Зощенко, появился новый герой-рассказчик. Он полностью заменил самого автора. Этот герой сразу стал знаменитым «зощенковским типом». Он считает себя достаточно культурным человеком, но говорит на искажённом языке.

Речь такого нового героя характеризуется различными лексическими особенностями. Одной из таких особенностей является метафора, которая выражает субъективные ощущения, эмоции героя:

«Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой, облокотившись, летит заведующий 10-й радиокухней со своей кассиршей Есиповой» («Через сто лет») [2, с. 41–42].

«У меня в желудке постоянно что-то там булькает при быстром движении. Фельдшер говорит: «Это у вас пища играет. А мне, знаете, не легче, что она играет» («Муж») [2, с. 94].

Характерной особенностью языковой личности в рассказах М. Зощенко на лексико-фразеологическом уровне языка является использование разнородной лексики с точки зрения сферы употребления: общеупотребительной лексики и лексики ограниченного употребления. При этом слова из различных лексических сфер находятся в одном предложении.

«Что-то, граждане, воров нынче развелось. Кругом прут без разбора. Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли. У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки. И чего, например, с этим социальным бедствием делать? Руки, что ли, вора отрывать? Вот, говорят, в Финляндии в прежнее время вора руки отрезали. Проворует, скажем, какой-нибудь ихний финский товарищ, сейчас ему чик, и ходи, сукин сын, без руки» («Воры») [2, с. 83].

Такое использование различной лексики, а также лексики разговорной и просторечной придаёт речи особое эмоциональное звучание:

«А хозяин держится индифферентно – ваньку валяет» («Аристократка») [2, с. 109].

Рассказ «Административный восторг» представляет собой газетную заметку. В заметке высмеивается самодурство помощника начальника местной милиции. Газетный стиль в целом может включать вкрапления других стилей, но это не допускает разрушения стиля. В приведённом же ниже отрывке наблюдается разрушение стиля за счет употребления лексики других стилей, в частности разговорных и просторечных слов: *память дырявая, пуцай, небось, уж больно (глубоко интересная)*; книжной лексики: *личность, население, насчет города*. Таким образом, в одном небольшом отрывке соединяются элементы разных стилей речи:

«Хочется рассказать про одного начальника. Очень уж глубоко интересная личность. Оно, конечно, жалко – не помню, в каком городе эта личность существует. В свое время читал об этом начальнике небольшую заметку в харьковской газете. А насчет города – позабыл. Память дырявая. В общем, где-то около Харькова. Ну, да это не суть важно. Пуцай население само разбирается в своих героях. Небось, узнают – фамилия Дрожжин» («Административный восторг») [2, с. 138].

Ещё одной особенностью языка героя-рассказчика является обращение к стилистически окрашенным словам. В речи зощенковского персонажа эти слова используются неуместно. Этот факт придаёт речи комическое звучание. Зощенко сознательно нарушает стилистические нормы, смешивая лексику различных пластов:

«Состоя, конечно, на платформе, сообщаю, что квартира №10 подозрительна в смысле самогона, который, вероятно, варит гражданка Гусева и дерет окромя того с трудящихся три шкуры. А когда, например, нетути денег или вообще нехватка хушь бы одной копейки, то в долг нипочем не доверяет и еще, не считаясь, что ты есть свободный обыватель, пихает в спину» («Честный гражданин (письмо в милицию)») [2, с. 138].

«Будто вдруг на меня атмосферой пахнуло; Чего, говорит, агитировать: становись вон к той березе, тут мы тебя и истрельнем (агитировать в данном случае употреблено в значении 'разговаривать') [2, с.138].

В приведённых выше примерах вновь наблюдается смешение разностилевой лексики (разговорной: *конешно, окромя, нетути, хушь бы, нипочем, пихает* и официально-деловой: *состоя на платформе, сообщаю, в смысле, гражданка Гусева* и т. д.). В контексте мы видим также разрушение известного фразеологизма *драть три шкуры*. Автор вводит в устойчивое выражение дополнительные слова: *«дерет окромя того с трудящихся три шкуры»*.

Отметим также, что в речи героев М. Зощенко встречаются речевые ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости слов и фразем:

«Ну, старушка, божий цветочек, в слезы» («Брак по расчету») [2, с. 97].

«В этой бане каждый день кражи воруют» («Рассказ о банях и их посетителях») [2, с. 179].

«И пицца жирная, и уход внимательный, и на весах вешают, и скука между тем» («Чудный отдых») [2, с. 139].

Ещё одной особенностью языковой личности рассказов Зощенко является использование вульгарно-просторечной лексики. Комический эффект создаётся из-за несочетаемости образа героя, претендующего на образованность, интеллигентность и его языка:

«Родственники так и жрут эти продукты без устали. Нэлман Горбушкин тоже, конечно, не отстаёт – шамаёт» («Спешное дело») [2, с. 32].

Наконец, следует отметить, создание автором новых окказиональных слов. Они создаются различными способами, чаще всего – морфологическими:

«Может, помните – негры к нам приезжали. В прошлом году. Негритянская негрооперетта» («Душевная простота») [2, с. 19].

Михаилу Зощенко удалось включать в ряды слов абсолютно разнородные элементы, слова разных стилей. Эти слова могут включаться в рамки одного предложения:

«Князь ваше сиятельство лишь малехонько поблевал, вскочил на ножки, ручку мне жмет, восторгается» («Великосветская история») [2, с. 92].

Говоря о синтаксисе юмористических рассказов М. Зощенко, исследователи обычно отмечают простой синтаксис, прямую подачу материала, короткие, отрывистые фразы.

Зощенко позволяет себе «поиграть» с границами предложения – речевая ситуация, когда у высказывания отчленяется или отсекается кусочек, который оформляется как самостоятельное высказывание. Б. Ю. Норман отмечает, что «это явление, свойственное непринужденному общению» [3, с. 45].

Вот примеры из рассказа Зощенко «Свадьба»:

«Володька, можно сказать, толком и не разглядел своей невесты. Он, по совести говоря, без шляпки и без пальто ее никогда даже и не видел. Потому все главные события на улице развернулись. Он, не раздеваясь, представлялся. В прихожей. Так сказать, на ходу. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая. В зимнем пальто. А в трамвае, конечно, давка. Пихаются. Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что. Едут так они две остановки. Три. Четыре. Познакомились. Пошли вместе. И тут Володю Завитушкина волокут на почетное место. И рядом с ним с одного боку сажает девицу. Без всякой шляпки ей даже лучше. Нос не так уж просится наружу», «Володьке бы, конечно, в шутку все превратить. А он очень обиделся» [2, с. 57].

Вводные конструкции как элемент экспрессивного синтаксиса играют важную роль в структуре художественного текста. Они актуализируют простое утверждение, мотивировка которого в последующем контексте позволяет развить комический эффект:

«Моя же бабушка, еще того чище, родилась в 1836 году... Конечно, вряд ли Пушкин мог ее нянчить, тем более что она жила в Калуге, а Пушкин, кажется, там не бывал, но все-таки можно допустить эту волнующую возможность, тем более что он мог бы, кажется, захватить в Калугу повидать своих знакомых» («В пушкинские дни. Вторая речь о Пушкине») [2, с. 357].

К грамматическим, или точнее морфологическим, средствам относятся случаи, когда автор целенаправленно нарушает грамматические нормы: *«Это, говорит, каждый гражданин настрижет веревки – полт не напасешься» («Баня») [2, с. 28],*

«Ложки, – говорю, – взад!» («Аристократка») [2, с. 125],
«Ежик-то, уважаемая Марья Васильевна, назад положьте!» («Нервные люди») [2, с. 169],
«А ты чего это? Деньги требуешь за проезд. С родного дяди!» («Не надо иметь родственников») [2, с. 178],

«Как не хотят! Хотят, да стесняются» («Преступление и наказание») [2, с. 68].

Б. Ю. Норман отмечает, что М. Зощенко использует в своих рассказах элементы языковой игры [3, с. 55]. Например, склонение несклоняемых существительных писатель употребляет для речевой характеристики отдельных персонажей (показа их недостаточной образованности): *«Подую банщику веревку – не хочет. – По веревке, – говорит, – не выдаю. Это, говорит, каждый гражданин настрижет – полт не напасёшься»* («Баня») [2, с. 28].

В рассказах Зощенко нами выявлены также различные примеры нарушения орфоэпических норм, основанных на расподоблении двух звуков в пределах одного слова – диссимиляции:

«Так вот... авиация, товарищи крестьяне... Строят еропланы и летают после», «Не задёрживай!» («Агитатор») [2, с. 37].

«Чего вы к моей сестре так часто в гости заскакиваете? Только, может, ее конь-променьтируете» («Преступление и наказание») [2, с. 68].

«Василь Иванович, да обожди немного. Посиди в коридоре на сундучке» («Муж») [2, с. 93].

Поскольку герой-рассказчик малограмотен, речь его спонтанна и необдуманна, грамматические сигналы комического сказа основаны на использовании диалектно-просторечных форм, на различных нарушениях и в области морфологии и синтаксиса:

«Эта пудель, холера ей в бок, и мене ухватила за ноги» («Честный гражданин») [2, с. 48].

Таким образом видно, что Михаил Зощенко – писатель комического слога, комических положений. Особенность его стиля состоит в том, что писатель совмещает два плана (этический и культурно-исторический), показывая их деформацию, искажение в сознании и поведении сатирико-юмористических персонажей.

Список использованной литературы

- 1 Лицо и маска Михаила Зощенко: Сборник / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. – Москва : Ред.-произв. агентство "Олимп" : ППП, 1994. – 366 с.
- 2 Зощенко, М. Избранное / М. Зощенко. – Ленинград : Лениздат, 1981. – 718 с.
- 3 Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2006. – 344 с.

The article attempts to describe the features of the linguistic personality of the characters in the works of Mikhail Zoshchenko: lexical preferences, grammatical structures and features of the dialects or social groups to which they belong, to analyze how the author creates and describes the characters of his characters through language and how these characteristics reflect them personal characteristics and relationships with the outside world.

УДК 821.161.3-1/-3*Я.Баршчэўскі

Л. А. ЛЕШЧАНКА

(г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”)

З ПАЭТАЎ У ПРАЗАІКІ: ПАШЫРЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ ПААСОБНЫХ МАТЫВАЎ І ВОБРАЗАЎ У ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЕ ЯНА БАРШЧЭЎСКАГА

У дадзеным артыкуле аналізуецца творчы шлях пісьменніка перыяду высокага рамантызму Яна Баршчэўскага. Праводзяцца паралелі паміж яго паэтычнай і празайчнай спадчынай, адзначаецца далейшы зварот да прозы. Апісваецца пашырэнне асобных матываў і вобразнай сістэмы лірычных вершаў і балад ў сюжэт кароткіх апавяданняў.